

Антуан Шоплен
**Итальянская
партия** роман

CORPUS

В этом блестящем романе
мракобесию и варварству
поставлены шах и мат.

RTBF

CAMPO^{R.}
DE' FIORI

Антуан Шоплен
Итальянская партия

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Шоплен А.

Итальянская партия / А. Шоплен — «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-155707-2

Молодой талантливый скульптор после шумного успеха своей выставки уезжает на несколько дней из Парижа в Рим и вместо того, чтобы работать там над предстоящей лекцией, сидит на террасе ресторана и играет в шахматы со всеми желающими. За его столик подсаживается красивая девушка. Внучка шахматиста, погибшего в концлагере, она неожиданно оказывается весьма опасной соперницей. Как выясняется, ее живо интересует некая шахматная партия, сыгранная во время Второй мировой войны. Взаимное притяжение возникает мгновенно... Весенние дни в Риме, таинственная незнакомка и всевластие памяти – история любви здесь тесно переплетается с Историей как таковой. Антуан Шоплен – известный французский поэт и прозаик, автор двух десятков книг, лауреат престижных наград. «Итальянская партия» – первая книга Шоплена, выходящая на русском языке. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-155707-2

© Шоплен А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Антуан Шоплен

Итальянская партия

Программа содействия издательскому
делу «Пушкин» Французского института
при Посольстве Франции в России
Programme d'aide à la publication
« Pouchkine » de l'Institut français près
l'Ambassade de France en Russie

© Buchet / Chastel, Libella, Paris, 2022
© Е. Тарусина, перевод на русский язык, 2023
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2023
© ООО «Издательство Аст», 2023
Издательство CORPUS ®

* * *

Талантливый молодой скульптор приезжает на несколько дней в Рим и, забыв о работе, проводит время на террасе ресторана, играя в шахматы со всеми желающими. За доску садится красивая девушка и неожиданно оказывается опасной соперницей. Взаимное притяжение возникает мгновенно... Антуан Шоплен – известный французский поэт и прозаик, автор двух десятков книг, лауреат престижных наград. «Итальянская партия» – первая книга Шоплена, выходящая на русском языке.

* * *

В этом блестящем романе мракобесию и варварству поставлены шах и мат.
RTBF

Автор рассказывает о романтической встрече, к очарованию которой добавляется красота итальянской столицы под майским небом. Магия яркого, ассоциативного, точного и поэтичного письма Антуана Шоплена мягко обволакивает нас – к нашему великому счастью.
L'or des livres

Блестящая метафора шахматных партий привносит в текст легкость, словно нет в мире ничего важнее, чем опробовать различные возможности и

гипотезы. Во время этих партий зарождается любовь – “гипотеза”, ждущая подтверждения.

France 3

С первых же фраз ясно, что роман сдержит все свои обещания. В сердце Рима художнику подарена долгожданная передышка и любовь с первого взгляда. Пейзажи, старинные здания, вино – Антуан Шоплен виртуозно передает великолепие Италии... Когда жизнь вокруг нас несется вперед так стремительно, очень полезно, по примеру автора, иногда вспомнить: лови мгновение, живи настоящим!

Mademoisellelit

Дрова для костра были тщательно подобраны и сложены аккуратно, даже красиво. Дровесину взяли свежую, чтобы зрелище продлилось подольше.

На площади собралось множество людей, у всех были торжественные лица.

К костру поднесли факел.

Для меня и еще нескольких гостей расставили тесным рядом потертые кресла, обитые красным бархатом. Я сидел в центре.

Факел положили на землю, на подстилку из соломы, и она тотчас загорелась.

Раздались вскрики.

Десятки людей прильнули к камерам и фотоаппаратам и начали снимать, переходя с места на место и меняя ракурс.

Послышалось слабое потрескивание, и поленья в основании сооружения охватило огнем.

Некоторые зрители пришли целыми семьями. Дети перестали вертеться и, вытаращив глаза и разинув рты, смотрели, как зарождается и растет пламя.

Амандина придвинулась ко мне, я почувствовал, как ее плечо коснулось моей руки. Она положила ладонь мне на спину и стала ее энергично поглаживать, как будто хотела меня согреть.

Огонь внезапно загудел сильнее, и легкий ветерок начал сносить струи дыма по направлению к острову Сен-Луи.

Вспыхнуло длинное одеяние, усыпанное по подолу золотистой листвой. Языки пламени стали лизать и закручивать края ткани. Сверху на все это смотрело бесстрастное восковое лицо с поддерживающей челюсть деревянной планкой. А в вышине к небу простиралась вытянутая рука.

Ветер улегся, дым поднимался теперь ровными столбами, скрывая всю фигуру, кроме воздетой кверху руки. За плотной завесой внезапно полыхнуло с новой силой. Видимо, занялось одеяние.

Мое сердце забило сильнее.

Хотя тем октябрьским утром было довольно холодно, я почувствовал, как лоб и ладони у меня покрываются потом.

Вскоре перед нами сплошной стеной стояло пламя, согревавшее нас своим жаром.

В самой его середине смутно, на короткое время, возникал темный силуэт с уже размытыми очертаниями.

I

Фигуры на тонко инкрустированной шахматной доске отбрасывали изящные тени. Усевшийся напротив меня мужчина, небрежно скользя пальцем по полю, обвел контуры двух или трех из них. Потом бросил на меня взгляд и двинул пешку на e4.

Над Кампо-деи-Фьори только что поднялось солнце, окрасив крыши в ярко-красный цвет. Оно в один миг окутало площадь весенними колдовскими чарами словно волшебной пылью.

Стояла прекрасная погода.

Неподалеку уличные торговцы, укрывшись под зонтами, громко расхваливали товар, привлекая прохожих, или просто перебрасывались шутками.

Я расположился с шахматной доской за столиком на террасе ресторана “Вирджилио”, заручившись согласием хозяина, низенького пухлого человечка с черными напомаженными волосами, который после недолгого колебания счел эту идею забавной. От меня лишь требовалось освободить место в случае наплыва посетителей, только и всего.

В кармане завибрировал телефон. Это была Амандина, наверное, хотела узнать, как у меня дела, как я добрался, хорош ли отель, который она забронировала для меня из Парижа, и какая погода в Риме. Я не ответил на вызов.

Уже несколько дней я мечтал о том, когда настанет этот миг. Когда я обрету свободу и покой под майским небом Италии, подальше от докучливых обязательств, от жизни напоказ, от напряжения последних дней. Когда ни о чем не буду заботиться, разве что разыгрывать красивые партии со случайными прохожими. И общаться только на универсальном языке игры, простом и мудром и честном.

Ну вот он и настал, этот миг.

Не в силах скрыть улыбку, я приступил к сицилианской защите.

Итак, пешка на c5.

Несколько зевак замедлили шаг и остановились посмотреть на игру. Некоторые шепотом стали комментировать позицию, приставив ладонь к уху соседа. Время от времени я поднимал глаза и поглядывал на них, впрочем, без особого внимания. Напротив нашего стола торговец овощами и фруктами, уставившись на нас, беззлобно и насмешливо рассуждал вслух о тех, кому посчастливилось родиться с мозгами, и тех, кто, вроде него, вынужден обходиться без них.

Мой соперник оказался недурен. Теоретические познания позволили ему достойно завершить дебют, несмотря на то, что он немного перебрал время. Правда, он слишком рано стал давить на мой королевский фланг, и это могло обернуться для него довольно деликатной ситуацией в середине партии.

Коротышка хозяин с полотенцем на плече тоже подошел к нам и остановился рядом, оперев руки в бока.

– Ну, что тут у нас? – брякнул он наобум, не уточняя, что именно имеет в виду.

Я улыбнулся ему, но не ответил.

– Тут, как говорится, головой соображать надо, – сообщил он, постучав себя по виску.

Из глубины ресторана донесся женский голос:

– Луиджи! – И спустя еще секунду: – Луиджи!

Хозяин скривился:

– Ни минуты покоя, пропади все пропадом! – проворчал он.

– Вперед, за работу, Луиджи! – смеясь, прокричал торговец фруктами. – Это как в шахматах: королева правит бал.

Послышались негромкие смешки.

Я укрепил позиции и без труда выстроил контригру на центральных вертикалях. Моему противнику пришлось разменять свою ладью на моего слона, и его пешечная структура ослабла. Позиция посыпалась. Сделав несколько отчаянных ходов, он встал и протянул мне руку в знак того, что признает поражение.

Я предложил ему партию-реванш.

– С удовольствием, – согласился мужчина. – Только мне кажется, что вы без труда со мной справитесь.

Мы немного поболтали, пока расставляли фигуры. Он спросил меня, откуда я.

– Из Франции, – сообщил я, – из Парижа.

– Понятно, – произнес он, – однако вы хорошо говорите по-итальянски. Для француза это редкость. И часто вы к нам приезжаете?

– Да, довольно часто. Правда, не в Рим. Я здесь впервые. Чаще бываю на севере. В Болонье, иногда в Бергамо. И в Турине, конечно. В Болонье бываю часто. Точнее, неподалеку от нее, в Кастелло-ди-Сerratвалле, вам знакомо это место?

– Да, разумеется, – ответил мужчина. – Там повсюду холмы. Очень красиво. Заметьте, холмы у нас здесь тоже имеются. А шахматы? – поинтересовался он.

– С ними все как-то само собой получилось. Что-то вроде истории любви, не отпускаявшей меня три года, ни днем ни ночью. Она благополучно завершилась. Мы остались друзьями.

– Что ж, это совсем неплохо, – улыбнувшись, заметил мужчина.

Он немного рассказал о своем дяде, научившем его играть в шахматы еще в детстве. И о своей победе в школьном турнире.

– Не хотите чего-нибудь выпить? – предложил он.

Мы заказали два кофе ристретто и начали новую партию. По взаимному согласию установили часы. Пятнадцать минут для него, пять – для меня.

На площади все больше чувствовалось оживление. Куда-то спешили люди, толпа негромко гудела, стучали каблучки по мостовой. Некоторые недотепы задевали столик, доска качалась, и несколько раз нам приходилось ловить ее обеими руками, чтобы она не опрокинулась.

Между тем до меня лишь смутно долетали обрывки разговоров, отдельные возгласы, шум машин, кативших по соседним улицам. Стенки пузыря, окружавшего меня во время игры, были непроницаемы для звуков и создавали приятное ощущение, нечто среднее между одиночеством и отстраненностью от окружающего мира.

Мои пальцы спокойно и проворно переставляли самшитовые фигуры по полю, над которым теперь простиралась тень от развернутого над террасой навеса.

– Ай! – воскликнул мой противник. – Я снова влип.

Один из зрителей, пожелавший прийти к нему на помощь, посоветовал пойти конем на с3.

Я молча показал, как после этого поставлю ему мат в два хода.

– Значит, я продул, – признался мой противник и снова, секунду поразмыслив, протянул мне руку.

Я быстро расставил фигуры, вернув их в ту позицию, которая сложилась за несколько ходов до этого.

Передвинув его пешку на d7, я попытался объяснить ему его промах.

Он несколько раз кивнул, поджав губы.

Потом встал и поблагодарил меня. И добавил, что сыграл бы еще разок в один из ближайших дней, если я еще не уеду.

Едва только стул освободился, как зритель, предлагавший сделать роковой ход конем на с3, положил ладонь на доску.

– Можно? – спросил он.

– Конечно.

II

Ближе к полудню хозяин ресторана стал бросать на меня смущенные взгляды, и я понял, что мне пора освобождать столик, потому что подошло время обеда. Я немедленно прервал партию, порекомендовав своему противнику, юноше, которого сопровождал отец, и в дальнейшем развивать творческий подход к игре. Отец положил руку ему на плечо, и они удалились, причем молодой человек несколько раз оборачивался и смотрел на меня. И всякий раз я чуть заметно поднимал руку на прощанье.

Мне захотелось немного прогуляться по району, побродить по ближайшим улицам.

Я прошел мимо своего отеля “Соле Рома” на улице Бишоне. Я заселился накануне, когда только начинало вечереть. И не выходил до сегодняшнего утра, даже не пошел ужинать, настолько утомило меня путешествие и те несколько дней, что ему предшествовали. Долго простояв под душем, я растянулся на свежих простынях и беспробудно проспал до самого рассвета.

Я всегда любил названия улиц. У меня развился странный рефлекс: я упорно и методично высматривал таблички, даже когда в этом не было надобности. Многие из наименований я хранил в памяти. Так уж вышло. Мог мысленно перебирать их сотнями, одно за другим, как собранные в путешествиях, так и случайно попавшиеся на глаза во время прогулок по Парижу и пригородам. Чаще всего я забывал, где именно они находятся. Перед глазами возникала табличка с названием, и больше ничего. В общем, это не помогало мне ориентироваться в городах, даже наоборот, из-за этой раздражающей привычки я моментально везде терялся.

Виа дель Парадизо, корсо Витторио Эммануэле, пьяцца Кьеза-Нуова.

Я ступил на церковную паперть с длинными и пологими, едва обозначенными ступенями. Поднял глаза и посмотрел на мадонну над центральным входом, расшифровал дату – 1605, – высеченную римскими цифрами в конце латинской надписи, во всех подробностях разглядел пилястры, попутно вспомнив, что они отличаются от колонн не только тем, что у них прямоугольное сечение, но и тем, что они выступают из стены, а не стоят отдельно.

Я пересек Корсо и очутился на площади Сфорцы Чезарини, и это название сразу же плотно засело в моей памяти, в том же уголке, что бульвар Агутт-Самба, площадь Виттельсбахов и улица Месье-ле-Пренс¹.

На вывеске не было никакого названия, только обозначение видовой принадлежности заведения: “Ресторан”, а также уточнение: “С 1960 года”. Его стены из старого дерева и темного камня резко контрастировали со светлыми, теплого желтого оттенка зданиями, обрамлявшими маленькую площадь.

---

¹ Бульвар Агутт-Самба находится в Гренобле, площадь Виттельсбахов в Мюнхене, улица Месье-ле-Пренс в Париже. (Здесь и далее – прим. перев.)

Я устроился на террасе. И заказал пасту с клубникой. Долгое время я считал, что это уникальное авторское блюдо моего друга Франческо, шеф-повара таверны в Бадзано, в окрестностях Болоньи.

Снова завибрировал телефон: это опять звонила Амандина. На сей раз я ответил.

– Гаспар!

Я вытянул руку с телефоном, держа его подальше от уха.

– Ну что? Я обедаю.

– Что с тобой? У тебя странный голос.

– Я ем пасту с клубникой. Ничего ужасного не случилось.

Трещина как пулемет, она принялась дотошно расспрашивать меня обо всем подряд. Мои максимально короткие ответы, похоже, не очень ее интересовали.

– А у меня для тебя куча новостей, и все хорошие, – сообщила она.

– Да?

– В особенности две. Рассказать?

– Говори.

– Девушка с биеннале в Торонто – ты ее помнишь?

– Хммм... нет.

– Наверняка помнишь. Я познакомила вас перед самым вернисажем. Мы были в холле у входа.

– Не исключено...

– Короче, ее очаровали твои работы. Она хочет организовать что-нибудь интересное в следующем сезоне.

– Это хорошо.

– Еще бы! Я так за тебя рада!

Я подцепил вилок горку пасты и отправил в рот.

– Ты здесь?

– Уммм.

– Другая новость связана с Милле, той самой. Ее помощница только что мне звонила.

Она договорилась с *ART Press* написать о тебе статью.

– Уммм.

– Это же здорово, разве нет?

– Ну да, здорово.

– Не говоря уж обо всем остальном. Скоро появятся статьи в самых разных местах. И еще сегодня утром из министерства пришло сообщение. Они в восторге. Это успех. Настоящий успех.

– Да, но министр ведь приходил открыть новый зал. Просто перерезать ленточку, и все. Он туда не ради меня явился, ты же знаешь.

– Но он там был, а это главное. Он видел твои работы. Я заметила: он не остался равнодушным.

– Угу.

Амандина еще немножко поговорила, жонглируя информацией, именами влиятельных людей, соображениями о неотложных делах. Я уже ее не слушал. Поблизости от моего столика проплыли две элегантные синьоры на высоких каблуках, смеясь в унисон, и следующие несколько секунд я посвятил им. В воздухе порхали ароматы их духов.

Наконец в динамике телефона установилась тишина.

– И еще, – немного помолчав, вновь заговорила Амандина совершенно другим тоном. – Та ночь, Гаспар... Я хочу сказать, ночь, которую мы провели с тобой...

– Там вроде были не только мы с тобой, – отозвался я.

- Ну, в общем, ты меня понял. Той ночью было хорошо, да?
  - Мы все тогда были немного уставшими, тебе не кажется?
  - Но все равно ведь было хорошо. Да, Гаспар?
  - Да, не беспокойся. Как там Соня?
  - Я ее с тех пор не видела. Но с ней наверняка все в порядке.
- Наступила долгая пауза.
- Что будешь делать сегодня днем? – спросила она.

Она ничего не знала о шахматах. Думала, что я поехал в Рим, чтобы развеяться и отвлечься от забот. И начать работу над лекцией о Генри Даргере.

- Пока не знаю. Немного прогуляюсь.
  - Не забывай о работе. О своей лекции.
  - Да, начну ее обдумывать.
  - Ладно. Тогда целую?
  - Да, – сказал я. – Разумеется.
  - Пока, Гаспар.
- И она отключилась.

III

Виа деи Филиппини, виа дель Говерно Веккио, виа ди Парионе, виа ди Тор Миллина.
Пьяцца Навона.

Весь ее длинный прямоугольник был залит солнцем. По ней лениво бродили туристы, то и дело останавливаясь и задирая голову. Откуда бы они ни появлялись, ноги сами собой несли их к монументальному фонтану в центре площади. Я обвел взглядом барочные статуи, поддерживающие испещренный иероглифами обелиск. На самой верхушке птица, скорее всего голубка, держала ветку в клюве.

Я проторил себе дорогу к фонтану, погрузил руки в воду и ополоснул лоб. Потом вышел на открытый простор и уселся прямо на землю сбоку от Музея гладиаторов.

Звонок Амандины вызвал у меня в голове яркие и четкие картинки последних событий. Я злился на нее за это. Разум утратил прежнюю легкость, и я вышел из ресторана на пьяцца Чезарини с намерением немного погулять, прежде чем возвращаться на Кампо-деи-Фьори, к моей шахматной доске на террасе “Вирджилио”.

Могли ли мы с Дорс представить себе такое?

Дорс, дорогая Соланж. Моя консьержка. Про себя я по-прежнему называю ее Дорс. Бывшая шлюха, которая не брезговала время от времени вспоминать прежнее ремесло. Мы с ней отлично ладили. Именно она устроила так, чтобы я мог пользоваться свободным помещением – никем не занятым подвалом – и лепить там своих человечков. Было это лет двенадцать назад. Когда я работал, она навещала меня, чаще всего утром, не рано, после того как доставляли почту. С тех пор как я сообщил ей, что имя Соланж вызывает у меня ассоциации со светом и солнцем, она заходила в мою мастерскую, вся сияя, с ослепительной улыбкой, порой даже слишком широкой.

Мои человечки очень ей нравились. Она любила подолгу их рассматривать, наклонившись к ним, и шумно вздыхала, а временами как будто постанывала. Она повторяла, что людям стоило бы это увидеть. Что нужно найти способ им это показать. Я без передышки мастерил человечков, они все накапливались, а я мечтал только о том, как создам собственное королевство. Оно мне нравилось. Людям нечего было в нем делать.

Однако с течением времени в моем небольшом помещении стало слишком много обитателей. Так много, что свободное пространство отчаянно сократилось, и новых человечков делать было уже негде. Я немного поразмыслил и в конце концов решил, что могу позволить им выйти на свежий воздух. Только прогуляться. Взглянуть одним глазком на большой мир. Почему бы нет? На улице им будет ничуть не хуже, чем в мешках или шкафах, куда их придется засунуть. Мы расставим их по всему Парижу – почему нет? – в разных укромных уголках, в скверах, на берегу Сены. Тщательно выберем место, чтобы скульптуры оказались не на проходе, но их легко было заметить по меньшей мере с нескольких точек. Дорс меня всячески поддерживала. Мы сделали это вместе. Расставили две сотни человечков. На это ушло несколько недель. Я записал в блокнот точные координаты каждой фигурки. Так что, если бы нам вдруг захотелось, мы смогли проверить, как у них идут дела, со смехом сказала Дорс. Она, конечно, была права. Именно так и нужно было поступить. Навещать их и наблюдать, что со временем с ними происходит, с моими человечками.

Незадолго до того Дорс, зайдя ко мне в мастерскую, по неосторожности зацепила локтем одну из моих скульптур и уронила ее за пол. Человечек чудесным образом уцелел, лишившись только нижней половины руки. “Все еще жив”, – сказала Дорс, со смущенным видом поднимая его. “Все еще жив”, – задумчиво повторил я. Хорошее название для моего маленького предприятия. Когда я об этом думаю, то понимаю, что Дорс здорово мне тогда помогла. Дорогая Соланж. Дорога к Солнцу. Это прозвище ей бы понравилось.

Вот вкратце о чем я рассказал два дня назад в своей речи на церемонии открытия вернисажа, под разноцветными неоновыми лампами Большой мануфактуры искусств. О своей кустарной мастерской, об историях с Дорс. Все смеялись. Пока я говорил, стоявший рядом со мной министр несколько раз опускал руку мне на плечо и легонько его сжимал. Может, выражал симпатию, а может, предупреждал, чтобы я не сболтнул лишнего, или намекал, что мне пора закругляться, – я так и не понял.

Не забыл я упомянуть и о том, что спустя несколько месяцев после того, как мы расставили человечков, Дорс бросилась в Сену. Это случилось вечером, на Рождество, и она даже не увидела первую из пяти моих выставок. В этот момент публика, конечно, уже меньше смеялась.

После меня к микрофону подходили разные эксперты и специалисты. Речи звучали уже по-другому. Среди прочих выступал Жозеф Мегр, куратор выставки. Этого парня я прозвал комиссаром Мегрэ, хотя Амандина и предупреждала меня, что с ним шутить не стоит.

Так получилось, что в эпоху человечков я ходил на занятия в Академию художеств, на курс живописи. Исключительно потому, что моя подруга Жюстина туда тоже постоянно таскалась. (Правда, она, в отличие от меня, подрабатывала там натурщицей, пытаясь свести концы с концами.)

Однажды вечером я заговорил о своем проекте “Все еще жив” со своим тогдашним преподавателем. Старик выслушал меня, довольно долго молчал, все сильнее морща лоб и слегка покачивая головой. Вскоре он устроил мне встречу с комиссаром Мегрэ. Это случилось погожим зимним утром, в воскресенье. Мы с ним немного побродили по Парижу, я показал ему несколько человечков, которых мы незадолго до того расставили вместе с Дорс.

Десять дней спустя мы подписали договор. Идея Мегрэ состояла в том, чтобы показать публике эволюцию моего маленького народа. Каждые два года мы будем делать муляжи моих скульптур. Точнее, того, что от них останется, потому что за это время некоторые из них, разумеется, частично разрушатся, а другие просто исчезнут. Итак, мы собирались демонстрировать муляжи, привлекая к их изготовлению студентов-добровольцев, дешевую рабочую силу, и эти выставки-биеннале должны были стать заметным событием. Тем более что каждую фигурку предполагалось выставлять лицом к лицу с ее более ранними версиями и тем самым давать

представление о том, как они менялись на каждом этапе. И так будет продолжаться до тех пор, пока последняя из них не разрушится.

Все вступало в силу с момента заключения договора, попутно раз в год предполагалось выплачивать мне довольно солидную сумму. Я не колеблясь все подписал.

Куратор произносил громкие фразы. Он с воодушевлением говорил о проекте, называя его неогалереей Эволюции, об эрозии цивилизации, о безжалостном зеркале, в котором отражается хрупкость человеческой жизни. Он выразил восхищение творческим подходом к формальному воплощению идеи, присущим этой работе, богатством пространственно-временного раскрытия образов и т. д. В какой-то момент я отключился.

Немного времени спустя министр завершил официальную часть коротким выступлением, из которого я не запомнил ни слова. Мои мысли витали далеко.

Сразу после этого я сообщил Амандине, что ухожу. Что хочу домой. Она попыталась меня задержать хоть ненадолго, подводя меня за руку то к одному гостю, то к другому. Я раскланялся с несколькими особами, сиявшими улыбками и макияжем, как правило мне незнакомыми. Последний раз прошел мимо пяти версий моих человечков: каждая следующая была все меньше похожа на первоначальную. В конце концов мне удалось ускользнуть.

Около одиннадцати часов, уже улегшись в кровать, я услышал звонок в дверь. У меня разыгралась небольшая мигрень, но она не мешала неспешно, с расстановкой изучать записи шахматных партий, начинавшихся с защиты Грюнфельда.

Я открыл дверь. Обнаружив за ней Амандину в сопровождении ее молоденькой помощницы Сони, державшей в каждой руке по бутылке шампанского, я поначалу запротестовал. Они, конечно, извинились, что пришли так поздно и без предупреждения. Они столько всего должны мне рассказать. Все так хорошо прошло, это был такой успех, люди были совершенно очарованы. Они вошли, я достал бокалы, и мы выпили шампанского.

Амандина, сидя на диване, то скрещивала ноги, то снова их расплетала. Она скинула свои лодочки и, не прекращая говорить, зацепилась большими пальцами ног за край стола, легонько коснулась голеней и принялась тереть ступни, гладить их.

Она все ближе придвигалась ко мне, не переставая болтать и смеясь по любому поводу. Кончилось все тем, что она обняла меня, потянулась губами к моему лицу, ее пальцы медленно заползли мне под майку. Она начала меня целовать, и с этого момента все пошло привычным путем.

Сидевшая напротив нас Соня медленно задрала юбку и стала себя ласкать. Чуть погодя по знаку Амандины она присоединилась к нам и, окончательно возбуждись, скользнула в середину.

Наутро я проснулся в одиночестве.

Рядом с билетом на самолет до Рима я обнаружил послание на бумажной салфетке: “Пока, художник!” – с подписью “Амандина и Соня” и двумя кривоватыми сердечками, нарисованными, по-видимому, губной помадой.

IV

Завершив последнюю партию против двух австрийских туристов, с грехом пополам пытавшихся объединенными усилиями справиться со мной, я собрал фигуры и спрятал доску под стол. Заказал кампари и попросил хозяина принести мне ужин.

Мой взгляд, мой разум блуждали без цели.

Кампо-деи-Фьори представлялась мне непрерывно кипящим котлом. Впрочем, звуковой строй существенно изменился по сравнению с утром. Умолкли горластые зазывалы. Почти все прилавки теперь были укрыты чехлами. Зато тут и там виднелись шумные кружки молодых людей, которые стояли на месте или перемещались. Их общий вокальный фон перемежался смехом и криками, иногда сопровождаемыми резкими жестами, стремительными поворотами, беспорядочными прыжками, игривыми поцелуями. Взрослые пары замедляли шаг и с улыбкой обходили их. Молодые люди с готовностью восторгались чем угодно, например, двое парней восхищенно смотрели, как девушка с грязными босыми ногами, выбиваясь из сил, жонглирует тремя булавами.

Крышкой котла Кампо-деи-Фьори служил ровный квадрат голубого неба, по-прежнему светлого, несмотря на то что солнце уже скрылось за декорацией западных фасадов.

Генри Даргер тоже мог бы здесь пройти, присесть за мой столик. Это было бы замечательно.

Он молча рассмотрел бы меня, потом расслабился и разговорился, рассказал бы об “Истории моей жизни”, автобиографическом произведении в пять тысяч страниц. Поведал бы по порядку обо всех побегах из детского интерната для слабоумных. Наверное, с трудом удержался бы, чтобы не начать мастурбировать у всех на виду, как с ним это неоднократно случилось. Он наверняка разложил бы прямо на площади, на мостовой, свои монументальные наивные картины, объяснил причины придуманной им войны между королевством Аббиения и жестокими гланделинианцами, которой посвящены пятнадцать тысяч страниц его великого творения.

Я отхлебнул чуточку холодного кампари и улыбнулся, представив себе эту забавную и абсурдную ситуацию. И переполох, который могло бы вызвать внезапное появление такого типа, как Генри Даргер, в чистеньком замкнутом пространстве Кампо-деи-Фьори.

Что и говорить, такое вряд ли могло бы произойти, тем более что Даргер покинул этот мир много лет назад.

Нет, единственное, что было реальным, – это лекция о нем и его творчестве для Музея ар-брют в Лозанне, которую я согласился провести. Очередная идея Амандины. “Пойми, Гаспар. Это твое. Лучше тебя это никто не сделает”.

Придется попотеть.

V

Солнце вело себя точно так же, как накануне, оно разбросало первые лучи по крышам домов, обрамляющих площадь, и неожиданно повсюду разлилось мягкое тепло.

Я только что закончил скучную партию со стариком, не произнесшим ни единого слова. Обдумывая ходы, он непрерывно шевелил нижней челюстью, она словно жила самостоятельной жизнью и безостановочно двигалась, раз за разом описывая дугу, как будто старик что-то жевал пустым ртом. Собравшихся вокруг нас немногочисленных зрителей утомила его медлительность. Наконец он с трудом поднялся и покинул террасу “Вирджилио”, едва заметно кивнув в мою сторону.

Я расставил фигуры по местам, ожидая нового противника. Торговец фруктами, судя по всему, проникся ко мне симпатией. Он с восхитительной регулярностью сдержанно шутил в мой адрес.

– Приятно, наверное, когда игра заканчивается? – произнес он. – Нейроны – они такие, дорогой синьор, за ними нужен уход. Впрочем, не надо меня слушать. Рассуждаю о том, в чем ничего не смыслю.

В ответ я понимающе улыбнулся ему.

Я сидел, поставив локти на стол, подперев кулаками подбородок, и мои слегка притупившиеся чувства поначалу восприняли ее как неясный силуэт, расширенный складками просторной юбки или платья из шершавой светлой ткани. Ее большая сумка с длинной ручкой висела на спинке металлического стула напротив меня.

– Вы играете?

Я резко выпрямился.

– Ой, извините, кажется, я вас напугала.

– Нет, ничего, – промямлил я.

У нее был странный акцент, наверное, восточноевропейский. Ее распущенные волосы закрывали левую часть лица. Она изящным движением поднесла руку к виску, отвела волосы со лба и, обхватив пальцами густые пряди, закинула их назад, на затылок.

– Но вы, может быть, предпочли бы и дальше смотреть сны, – продолжала она на почти безупречном французском.

Я постарался скрыть удивление.

– Нет-нет. Можем сыграть.

Она села, немного подтянула вверх широкие рукава своей рубашки с рисунком из стилизованных бабочек и длинных древесных стволов.

– Ну, смотреть сны – это сильно сказано, – сказал я.

Она бросила на меня чуть насмешливый взгляд, аккуратно расставляя фигуры по центру клеток.

– Какие выбираете – белые или черные? – спросил я.

– Мне все равно. У меня под рукой черные, пусть так и будет. Вас это устраивает?

Я кивнул.

– Пять минут на ход?

– Договорились, – произнес я, выставляя часы и удивляясь ее самоуверенности.

И поставил пешку на d4. Она не задумываясь подвинула свою на b5. Это был странный ход, и если бы не ее ловкость в обращении с фигурами, я счел бы, что передо мной начинающая.

– Архаика, да?

– Скорее редкость, – пробормотал я. – Польский гамбит. Почти забытый.

– Да, – согласилась она. – Теперь он никому не интересен. После матча Петросян – Спаский в шестьдесят седьмом.

– В шестьдесят шестом, – поправил я.

На двадцатом ходу она обложила меня со всех сторон. Вдобавок ко всему, я существенно перебрал время. Она оставила центр, чтобы сосредоточиться на том, что я оценивал как матовую атаку. Я несколько раз поднимал глаза и поглядывал на нее. Она не отрываясь смотрела на доску.

Я сделал последнюю попытку, которую она после минутного размышления пресекла, пожертвовав слона на g7. Еще три-четыре хода – и ее победа стала неоспоримой. Я остановил часы и протянул ей руку в знак капитуляции. Ее раскрытая ладонь едва коснулась моей.

– Вы слишком рано сделали рокировку, – заметила она. – В этой позиции лучше было создать неопределенность относительно последующих перемещений вашего короля. Реванш?

Я чуть заметно кивнул.

Она уже заново расставила свои фигуры по местам.

– Вы все еще увлечены сновидениями? – пошутила она.

Я улыбнулся и ответил:

– Сейчас еще больше, чем раньше.

– И что же вам снится?

– Моряк во время шторма, – сообщил я, немного помолчав.

Она принялась сама расставлять мои фигуры. Встретив ее взгляд, я заметил в нем искорку любопытства.

– Ну вот, океан снова успокоился, – заявила она, когда все фигуры встали на место.

– Хорошо бы надолго, – вздохнул я.

Вторая партия была более равной. Мы стояли друг против друга, выйдя на ладейный эндшпиль, с равным временем. Несмотря на ее лишнюю пешку, мне удалось преодолеть ее сопротивление, и после недолгого колебания она скрепя сердце согласилась на предложенную мной ничью. Отвернувшись от меня и впала в задумчивость, глядя в пустоту и наверняка оценивая некоторые позиции, где она сделала неверный выбор, лишивший ее победы.

– Слона лучше было на b6, а не на c5, – нерешительно пробормотал я, пытаясь проникнуть в ее мысли.

Она медленно кивнула и прошептала:

– Вполне возможно.

Мы обнаружили, что вокруг нас собралась небольшая толпа, привлеченная радостными возгласами торговца фруктами:

– Ого! Дамы и господа, у нас, кажется, объявился потрясающий игрок, подходите, подходите, зуб даю, будет кровавая бойня!

Она уставилась мне прямо в глаза, ее взгляд сверкал и пронизывал насквозь, словно гамма-лучи, проникая сквозь ткани и не зная преград. Ее разум по-прежнему был занят партией и бесчисленными вариантами ходов.

Зрители хранили молчание. Мне казалось, они смотрят только на нее и ожидают ее решающего слова.

Вместо этого она взглянула на часы и вскочила на ноги:

– Ой, я не заметила, как прошло время. Извините, мне пора.

Она положила ладонь мне на руку, это длилось две или три бесконечно долгих секунды.

– Не беспокойтесь, – сказал я и задержался взглядом на ее тонкой кисти с длинными пальцами и изящными ногтями.

Она убрала руку, и это движение было похоже на легкую ласку, а может, мне просто так показалось.

Она проворно подхватила длинную ручку сумки и повесила ее на плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.